

ВИРГИЛІЕВА ЭНЕИДА.

ВИРГИЛІЕВА

ЭНЕИДА,

НА

МАЛОРОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ

И. Котляревскимъ.

ЧАСТЬ II.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, что бы по напечатаніи представлено было въ Цензур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ
Марта 25 дня 1840 года.

Ценсоръ Никитенко.

ЭНЕИДА

НА

МАЛОРОССІЙСКИЙ ЯЗЫКЪ

ПЕРЕЛОЖЕННАЯ.

Эней поплывшы сынимъ моремъ,
На Карфагену оглядавсь;
Боровсь съ своимъ сердега горемъ,
Слизьмы бидняжка обльивавсь.
Хоть одъ Дидоны плывъ поспнишно,
Та плакавъ гирько, не утишно.
Почувшыжъ, що въ огни спеклась,
Сказавъ: » нехай йй вичне царство,
«Мини же довголитне панство,
«И щобъ друга вдова найшлась!»

Якъ-ось и море стало граты,
Вельики хвыли пиднямысь,
И витры зачалы бурхаты,
Ажъ човны на мори трясельсь.
Водою чортъ зна якъ крутыло,
Що трохы всихъ не потопыло,
Вертились човны мовъ дурнї.
Троянцы зъ страху задрывалы,
И що робыты вси не зналы,
Стоялы мовкыкы вси смутни.

Одынъ зъ Троянской ватагы,
По ихъ винъ звався Палинуръ;
Сей билше мавъ другихъ одвагы,
Смиленькїй бувъ и балагуръ;
Що-на-передъ сей схаменулся
И до Нептуна оклыкнудся:
«А що ты робышь панъ Нептунъ!
«Чи се и ты пустывсь въ ледащо,
«Що хочешъ насъ звесты ни на що?
«Хиба пивконы и забувъ?»

А дали писля сєи мовы

Троянцямъ вишь такъ всимъ сказавъ:

«Бувайте, братця, вы здоровы!

«Отъ-це Нептунъ замудровавъ.

«Куды теперь мы, братця, пійдемъ?

«Въ Италію мы не дойдемъ,

«Бо море дуже щось шпуре.

«Италія видсиль не близько,

«А моремъ въ бурю йихать слызько,

«Човнивъ ни хто не підкуе.

«Отъ-туть земелька єсть хлопьята,

«Видсиль вона не вдалеку,

«Сыщылія земля багата,

«Вона мыши щось познаку.

«Дмухнимъ лышь, братця, мы до неи,

«Збуваты горесты своєи,

«Тамъ добрый царъ живе Ацєсть.

«Мы тамъ, якъ дома, очуняємъ

«И якъ у себе загуляємъ,

«Всього у нього вдоволь єсть.»

Троянцы разомъ принимая
И стали весламы гребты,
Якъ стрилкы човныкы неслися,
Мовъ зъ заду пхалы ихъ чорты.
Ихъ Сыщылійцы якъ уздрилы,
То зъ города, мовъ подурилы,
До моря биглы вси встричать.
Тутъ мижъ собою роспыталысь,
Чоломкалысь и обнималысь;
Пишлы до короля гулять.

Ацестъ Энею якъ бы брату,
Вельику ласку показавъ,
И заразъ попросившы въ хату
Горилкою почастовавъ;
На закуску накламы сала,
Лежала ковбаса чимала
И хлиба повне решето.
Троянцямъ всемъ дамы тетери
И видпустылы на кватери:
Щобъ йшлы, куды потрапыть хто.

Тутъ заразъ пиднялы бенькеты,
Замурмоталы якъ коты,
И въ кахляхъ понесли пашкеты
И кисилю имъ до сыты;
Гарячую, мяку бухинку,
Зразову до рижкивъ печинку,
Гречаныхъ съ часныкомъ панпухъ.
Эней съ дороги налыгався
И шиннои такъ нахлыстався,
Трохы не выперсь зъ його духъ.

Эней хотъ трохы бувъ пидпымый,
Та зъ розумомъ не потерявсь;
Винъ сынъ бувъ богобоязливый,
По смерты батька не цуравсь.
Въ сей день його отецъ опрягся,
Якъ чыкыдыхы обижрався, —
Анхызъ зъ горилочки умеръ.
Эней схотивъ обидъ справляты
И тутъ старцивъ нагодоваты, —
Щобъ бигъ дуппи свій рай одперъ.

Зибравъ Троянську всю громаду,
И самъ пишовъ на двирь до нихъ,
Просить у ихъ собі порадy,
Сказавъ имъ ричь въ словахъ такихъ:
«Панове, знаєте, Трояне
«И вси хрещеньи мыряне,
«Що мій отець бувавъ Анхызь,
«Його сывуха запамыла,
«И живота укоротыла
«И винъ, якъ муха въ зиму, слызъ.

«Зробыты помынкы я хочу,
«Поставыты обидъ старцямъ —
«И завтражъ — дали не одсрочу.
«Скажете: якъ здається вамъ?»
Сього Троянцы и бажалы
И вси у голосъ закрычали:
«Энею Боже поможы;
«Колы же хочешъ, пане, знаты,
«И самы будемъ помагаты,
«Бо мы тоби не ворогы.»

И заразь мытью вси пустымысь,
Горилку, мясо куповать,
Хлебъ, бублыки, кныши вродымысь,
Пійшылы посуды добувать;
И колыво съ кути зробылы,
Сыты изъ меду насытылы,
Договорылы и попа;
Хазяишивъ своихъ сзывалы,
Старцивъ по улыцямъ шукалы,
Пишла на дзвинь дякамъ копа.

На другій день раненько всталы,
Огонь на двори розвели
И мяса въ казаны накламы,
Варылы страву и пеклы.
Пять казанивъ стояю юшкы,
А въ чотырѣохъ булы галушкы,
Борщу трохи було не съ шисть;
Баранивъ тьма була вареныхъ,
Курей, гусей, качокъ печеныхъ,
До сыта щобъ було всимъ йисть

Цебры сывушкы тамъ стоялы
И брагы повніи дижкы;
Всю страву въ ваганы вливалы
И роздавалы всимъ ложки.
Якъ проспивалы со святымы,
Эней обливсь слизьмы гирькымы
И прынялыся вси трепать;
Найшлыся и нахлыстались,
Що де-яки ажъ повалялись,
Тогди и годи помынаць.

Эней и самъ со старшыною
Анхыза добре помынавъ;
Не здривъ ничого предъ собою,
А ще зъ застолу не встававъ;
А дали трошкы проходывся,
Прочумався, протверезывся,
Пишовъ къ народу, хотъ побидь. —
Съ кишени вынявши пивкишкы,
Шпурнувъ въ народъ дрибныхъ, якъ рипкы,
Щобъ тямьмы його обидь.

Энея заболилы ноги,
Не чувъ ни рукъ, ни головы;
Напалы съ хмелю перелогы,
Опухлы очи, якъ въ совы,
И весь обдуся, якъ барылю,
Бумо на свити все немлю,
Мислите по земли пысавъ.
Зъ нудыгы охлявъ и изнемигся,
Въ одежи лигъ и не роздигся,
Пидъ лавкою до свита спавъ.

Прокынувшыся весь трусывся,
За сердце сцало мовъ глысты;
Перевертався и нудывся,
Не здужавъ головы звесты,
Покы не выпывъ пивквартивки
Зъ имберомъ шинной горилкы,
И кухля сиривцю не втеръ.
Съ пидъ лавкы вылизъ и струхнувся,
Закашлявъ, чхнувъ и стрепенувся,
«Давайте, крикнувъ, пыть теперь.»

Зібравшыся вси паненята,
Изновъ кружаты начали,
Пылы, якъ брагу поросята,
Горилку такъ воны тяглы;
Тяглы тутъ шиненьку Троянцы,
Не вошпылы Сыщліянцы,
Черкалы добре назахвать.
Хто пывъ тутъ билишъ одъ всихъ сывухы,
И хто пывъ разомъ тры осьмухы,
То той Энєсви бувъ брать.

Эней нашъ роздоброхотався,
Игрыща вздумавъ завесты
И пьяный заразъ розкрычався,
Щобъ перебійцивъ прывесты. —
У виконъ школяри спивалы,
Халандры цыганкы скакалы,
Игралы въ кобзы и слипци;
Булы тутъ разни чуты крыкы,
Водылы въ городи музыкы,
Моторни, пьяни молодци.

Въ прысникахъ вси паны сидѣли,
На двори жъ вкругъ стоявъ народъ,
У викна де-яки глядили,
А ынчій бувъ наверхъ воротъ;
Ажъ-ось прыйшовъ и перебієць,
Убранный такъ, якъ компанієць,
И звався молодець Даресь;
На кулаки ставъ выкликаты
И перебіиця вызываты,
Крычавъ опареный мовъ песь:

«Гей, хто зо мною вийде бытысь,
«Покуштоваты стусанивъ?
«Мазкою хоче хто умытысь?
«Кому не жаль своихъ зубивъ?
«А нуте, нуте йдите швидче,
«Сюды на кулаки льшь ближче!
«Я бебехивъ вамъ надсажу;
«На очи вставлю окуляры,
«Сюды поганци бакаляры!
«Я всякому лобъ розмижжу.»

Даресь довгенько дожидався,
Мовчали вси, нихто не йшовъ;
Зъ нимъ всякій бытись боявся,
Собою страху всимъ задавъ:
«Такъ вы, бачу, вси легкодухи,
«Передо мною такъ, якъ мухи
«И пудофеты на-голо.»
Даресь тутъ дуже насмихався,
Собою чванывсь вельчався,
Ажъ слухать соромъ всимъ було.

Абсестъ Троянець бувъ сердыйтъ,
Згадавъ Ентелла козака,
Зробився мовъ несамоувѣтъ,
Чимъ дужъ давъ видтиль дропака.
Ентелла скризъ пишовъ шукаты,
Щобъ все, що бачывъ, розказаты
И щобъ Дареса підцьковать.
Ентелль бувъ тяжко смилый, дужий,
Мужыкъ плечыстый и невкложий,
Тогди винъ пьяный вклався спать.

Знайшылы Ентелла сиромаху,
Що винъ пидъ тыномъ гарно спавъ;
Сього сердешного тимаху
Будыты стали, щобъ уставъ.
Вси голосно надъ нымъ крычали,
Ногамы всылу роскачали,
Очыма винъ на ныхъ лупнувъ:
«Чого вы? що за вража маты
«Зибрамысь не даваты спаты;»
Сказавшы се, опьять заснувъ.

«Та встань, будь ласкавъ, пане свату!»
Абсестъ Ентеллови сказавъ:—
«Пййдить лышь вы соби и къ кату.»
Ентелмъ на ихъ такъ закрычавъ.
А послѣ баче, що не шутка,
Абсестъ сказавъ, яка погудка,
Проворно скочывшы, здрыгнувсь:
«Хто, якъ, Даресь? — ну, стійте наши!
«Зварю пану Даресу каши,
«Горилкы дайте лышь напыюсь.»

Прымчалы съ казанокъ сывухы,
Ентелль ты разкомъ дмухнувъ,
И одъ сіеп винъ мокрухы
Скрывывьсь, наморицьивсь и зивнувъ,
Сказавъ:» Тенерь ходимо, братця,
«До хвастуна Дареса ланця!
«Йому я ребра полнчу,
«Зимну всего я на кабаку,
«На смерть зъувичу мовъ собаку,
«Якъ бытыся я научу.»

Прийшовъ Ентелль передъ Дареса,
Сказавъ йому на смихъ:» гай-гай!
«Ховайсь проклита неотеса,
«Зарання видсьиль утикай;
«Я роздавлю тебе якъ жабу,
«Зитру, зимну, морозъ якъ бабу,
«Що тутъ и зубы ты зитнешь.
«Тебе діяволь не пизнае,
«Съ кистками чортъ тебе злыгае,
«Уже видъ мене не влызнешь.»

На землю шапку положившы,
По локоть руки засукавъ,
И цупко кулаки стулившы,
Дареса бытысь вызывавъ.
Изъ серця скрыготавъ зубамы,
Объ землю тупотавъ ногамы
И на Дареса нализавъ.
Даресь не радъ свой лыхоти,
Ентелъ потягъ не по охоти
Дареса, щобъ його винъ знавъ,

Въ се время въ рай богы зібрались
Къ Зевесу въ гости на обидъ;
Пылы тамъ, йилы, забавлялись,
Забулы нашихъ людськихъ бидъ.
Тамъ лакомшы разни йилы,
Буханчыкы пшенишны билы,
Кыслыци, ягоды, коржи
И всяки разни вытребенкы, —
Уже лыбонь булы пьяненьки,
Понадувались, мовъ йоржи.

Якъ-ось знечевья вбигъ Меркурій,
Засапавшыся до богивъ;
Прыскочивъ мовъ котыще мурый
До сырныхъ въ масли пыротивъ!
«Ге, ге! отъ-туть-то загулялись,
«Що и одъ свита одчуралысь;
«Діаволь ма вамъ и стыда. —
«Въ Сыщыліи таке творится,
«Що вамъ бы треба подивитися,
«Тамъ крыкъ, мовъ пидступа Орда.»

Богы почувшы зашаталысь,
Изъ неба выткнулы носы,
Дывытысь на бійцивъ хваталысь,
Якъ жабы литомъ изъ росы.
Ентелъ тамъ сыльно храбровався,
Ажъ до сорочки весь роздягся,
Совавъ Даресу въ нисъ кумака.
Даресь извомпывъ сирромаха,
Бо бувъ Ентелъ непевна птаха,
Якъ чорноморській злый козакъ.

Венеру за выскы хватыло,
Якъ глянула, що тамъ Даресь;
Йй дуже се було немыло,
Сказала:» батечку Зевесь!
«Дай моему Даресу сылы,
«Йому хвоста щобъ не вкрутылы,
«Щобъ винъ Ентелла поборовъ.
«Мене тогди весь свить забуде,
«Колы Даресь живый не буде;
«Эробы, щобъ бувъ Даресь здоровъ.»

Тутъ Бахусъ пьяный обизвався,
Венеру лаяты начавъ,
До неѣ съ кулакомъ соався
И такъ изъ-пьяна йй сказавъ:
«Пйды лышь ты къ чортамъ плюгава,
«Не вирна, пакосна, халява!
«Нехай изсмызне твій Даресь.
«Я за Ентелла самъ вступлюся,
«Якъ билишь сывухы натягнуся,
«То не заступить и Зевесь.»

«Чи знаешъ винъ якый парныше?

«На свити трохи есть такихъ,

«Сывуху такъ, якъ брагу хлыще,

«Я въ парубкахъ кохаюсь сыхъ.

«Уже залє за шкуру сала,

«Ни неня въ брази не скупала,

«Якъ винъ Даресови задасть.

«Уже хоть якъ ты не вертєся,

«Зъ своимъ Даресомъ попростєся,

«Бо прыйдется йому пронасть.»

Зевєсь до речи сей дочувєся,

Языкъ насылу повернувъ,

Вишъ одъ горилкы вєсь облувєся,

И гримко такъ на ихъ гукнувъ:

«Мовчить! чого вы задрочылись?

«Чи бачъ у мене росходьлысь?

«Я дамъ вамъ заразъ трыпїя!

«Нихто въ кулачкы не мишайтесь,

«Кинця одъ самыхъ дожыдайтесь,

«Побачымъ, — визьмєть-то чїя?»

Венера облизня піймавши,
Слизкы пустыла изъ очей
И якъ собака хвистъ піджавшы,
Пшла къ порогу до дверей
И зъ Марсомъ у куточку стала,
Зъ Зевеса добре глазовала;
А Бахусъ пинненьку лыгавъ.
Изъ Ганнимедова пиздерка
Утеръ трохы не зъ шивидерка;
Напивсь — и тилько, що кректавъ.

Якъ мижъ собой богы сварылись
Въ раю, попившысь въ небесахъ;
Тогди въ Сыщлыи творылись,
Вельки дуже чудеса.
Даресь одъ страху оправлявся
И до Ентема підбрався,
Цыбульки бѣ дать йому підъ нисъ.
Ентелъ одъ ляпаса здрыгнувся,
Разивъ изъ-пять перевернувся,
Трохы не попустывъ и слизъ.

Розсердывся и розъярився,
Ажъ пину зъ рота попустывъ,
И саме въ миру пидмостывся,
Въ высокъ Дареса затопывъ:
Зъ очей ажъ искры полетилы
И очи ясни соловины,
Сердешный объ землю упавъ.
Чмеливъ довгенько дуже слухавъ,
И землю носомъ рывъ и нюхавъ,
И дуже жалибно стогнавъ.

Тутъ вси Ентелла выхвалямы,
Эней съ панамы реготавъ,
Зъ Даресажъ дуже глузовалы,
Що сылою винъ вельчавсь;
Звеливъ Эней його пидняты,
На витри щобъ поколыхаты
Одъ ляпаса и щобъ прочхавсь;
Энтелловижъ давъ на кабаку
Трохы не цилую гривняку
За те, що такъ винъ показавсь.

Эней же сымъ не вдовольнѣвшись,
Ище гуляты захотѣвъ,
И цупко пинной напившись,
Ведмедивъ прывесты звелѣвъ,
Лытва на трубы засурмыла,
Ведмедивъ заразъ зъупыныла,
Заставыла ихъ танцовать.
Сердешный звирь перекидыався,
Плыгавъ, вертився и качався,
Забувъ и бджолы пиддирать.

Якъ панъ Эней такъ забавлявся,
То лыха винъ соби не ждавъ,
Не думавъ и не сподивався,
Щобъ хто зъ Олымна кучму давъ.
Но те Юнона повернула
И въ голови такъ коверзнула,
Щобъ заразъ учынить ярмизъ;
Набула безъ панчихъ патынky,
Пишла въ Ирысыни будынкы,
Бо хытра ся була якъ бисъ.

Прийшла, Ирыси пидморгнула,
Черкнулы разомъ въ хыжу въ двохъ,
И на ухо щось йй шепнула,
Щобъ не пидслухавъ який богъ;
И пальцемъ цупко прикрутила,
Щобъ заразь все то изробыла
И йй бы прынесла лепортъ;
Ирыся нызько поклоньмась
И въ лижныкъ заразь нарядьмась,
Побигла зъ неба якъ бы хортъ.

Въ Сыщылію якъ разъ спустьмась,
Човны Трояньски де булы;
И мижъ Троянокъ помистьмась,
Котори човнивъ стереглы.
Въ кружку сердешни си сидилы,
И кысло на море глядилы;
Бо ихъ не клыкалы гулять,
Де чоловики ихъ гулялы,
Медокъ, сывушку попивалы
Безъ просьпу недиль изъ-пять.

Дивчата зъ лыха горювали,
Нудыло тяжко молодыць;
Лынгъ слышку зъ голоду ковтали,
Якъ хочется кому кысльць.
Своихъ Троянцѣвъ проклиналы,
Що черезъ ихъ такъ горювали;
Дивкы крычали на весь ротъ:
«Щобъ имъ хотилось такъ гуляты,
«Якъ хочется намъ дивоваты,
«Колыбъ замордовавъ ихъ чортъ.»

Троянцы волоклы съ собою
Старую бабу, якъ ягу,
Лукаву видьму, злу Берою,
Искорчившюся въ дугу.
Ирися нею изробылась,
И якъ Бероя нарядылась
И підступила до дивокъ;
И щобъ къ нимъ лучше підмостыться
И предъ Юноной заслужыться,
То підиссла имъ пырижокъ.

Сказала:» помагай-Бигъ, диты!

«Чого сумуєте ви такъ?

«Чи не остыло тутъ сидиты?

«Отце гуляють наши якъ!

«Мовъ божевильныхъ насъ морочать,

«Симъ литъ якъ по морямъ волочать;

«Глузують якъ хотять изъ васъ.

«Але съ другымы бахурують,

«Своижъ жинкы нехай горюють,

«Комы водымосъ се у насъ?

«Послухайте льшь молодьци,

«Я добрую вамъ раду дамъ;

«И вы дивчата билольци,

«Зробимъ кинець своимъ бедамъ,

«За горе мы заплачымъ горемъ —

«А докы намъ сидитъ надъ моремъ?

«Прыймимось, човны попалимъ.

«Тогди и мусять тутъ остаться;

«И нехотя до насъ прыжаться;

«Ось такъ на людъ ихъ посадимъ.»

«Спасетъ же Бигъ тебе бабусю!»
Троянки въ голосъ загулы:
«Такоибъ рады пайматусю,
«Мы изгадаты не могли.»
И заразъ приступылы къ флоту
И прынялыся за роботу,
Огонь кресаты и несты
Скишкы, трискы, солому, ключча;
Була тутъ всяка зъ ныхъ охоча,
Пожаръ щобъ швидче розвесты.

Розжеврилось и загорилось,
Пишовъ дымокъ до самыхъ хмарь,
Ажъ небо все зачервонилось,
Велькый тяжко бувъ пожаръ.
Човны и байдакы паламы,
Соснови поромы трипцалы,
Горилы дьоготь и смола.
Покы Троянцы оглядильсь,
Що добре ихъ Троянки грились,
То часть мала човнивъ була.

Эней пожаръ такъй уздрившы
Злякався, побилшвъ якъ снѣгъ,
И бѣгты всимъ туды звеливши,
Чимъ дужъ до човнивъ самъ побѣгъ.
На гвалтъ у дзвоны задзвонили,
По улицамъ въ трещоткы былы,
Эней же на весь ротъ кричавъ:
«Хто въ Бога віруе, ратуйте!
«Рубай, тушы, гасы, лый, куйте!
«А хто жъ таку намъ кучму давъ?»

Эней одъ страху съ прыгу збѣвся,
Въ уми сердега помпшавсь
И заразь самъ не свѣй зробився,
Скакавъ, вертився и качавсь;
И изъ сього свого задору
Винъ голову піднявши въ гору,
Кричавъ, опареный мовъ песь.
Олимпськихъ шпетывъ на всю губу,
Свою и пено лаявъ лобу,
Добувсь и въ ротъ и въ нисъ Зевесъ.

«Гей ты проклятый старыгано!
«На землю зъ неба не зыркнешъ,
«Не чуешъ, якъ тебе я гано,
«Зевесь!—ни усомъ не моргнешъ.
«На очихъ бильма поробылысь,
«Кольоь до вьку послыпылысь,
«Що не поможешъ ты мини,
«Чи сежъ такы тоби не стыдно?
«Що пропаду, отъ-лышъ не видно;
«Яжъ, кажутъ люды, внукъ тоби!

«А ты зъ сьдою бородою,
«Пане добродію Нептунъ!
«Сьдышъ, мовъ демонъ пидъ водою
«Изморицьившысь, старый шкарбунъ!
«Кольоь струхнувъ хоть головою
«И сей пожаръ заливъ водою—
«Трызубецъ щобъ тоби зломывсь!
«Ты базарьнку любышъ браты,
«А людимъ въ нужди помагаты,
«Не дуже, бачу, посинивсь.

«И братикъ вашъ Плутонъ, поганецъ,
«И зъ Прозерпыною засивъ;
«Пекельный, гаспыдськый коханецъ,
«Ище себе тамъ не нагривъ?
«Завивъ братерство зъ дьяволамы
«И въ свити naszymы бидамы
«Не погорюе ни на часъ.
«Не посылкуется ни мало,
«Щобъ такъ палаты перестало
«И щобъ оцей пожаръ погасъ.

«И ненечка моя ридненька
«У чорта десь теперь гуля;
«А може спить уже пьяненька,
«Або съ хлопьятамы гая.
«Теперь йй, бачу, *не до солы*,
«Уже пидтыкавши десь полы
«Фурцное добре нависна.
«Колы сама съ кымъ не ночуе,
«То для когось уже швашкуе,
«Для сього тяжко поснишна.

«Та врагъ беры васъ, що хотите;
«Про мене те собі робить;
«Мене на лідь не посадите,
«Пожаръ лишъ тилько пагасить;
«Завередуйте по своему
«И будьте ласкавы, моему
«Зробите лыхови кинець.
«Пустить лишъ зъ неба веремію
«И покажите чудасію,
«А я вамъ піднесу ралець.»

Тутъ тилько що перемольвся
Эней и ротъ свій затульвъ;
Якъ-ось изъ неба дощъ польвсь,
Въ годину весь пожаръ зальвъ.
Бурхнуло зъ неба мовъ изъ бочки,
Що промочило до сорочки;
То драма вrostычъ вси дамы.
Троянцы стали вси якъ хлюща;
Имъ лучылася невсыпуща;
Не рады и дощу були.

Не знавъ же на яку ступыты
Эней, и тяжко горювавъ,
Чи тутъ остатысь, чи поплыты?
Бо врагъ не вси човпы забравъ;
И мыттю кынувь до громады
Просыть соби у ней порады;
Чого собою не вбагне.
Тутъ довго тяжко раховалы,
И скільки не коверзовалы,
Та все було, що не оне.

Одынъ зъ Троянскои громады
Насунывшися все мовчавъ,
И дослухавшися до порады,
Циккомъ все землю колупавъ.
Се бувъ пройдысвить и непевный
И всимъ видьмамъ бувъ родычъ кривный,
Упырь и знахуръ ворожить.
Умивъ и трясцю одиентаты
И кровь Хрыстьянську замовляты
И добре знавъ гребли гатыть.

Бувавъ и въ Шльонському зъ волѣмъ.
Не разъ ходывъ за снѣлю въ Крымъ,
Тарани торговавъ возами,
Вси чумаки браталысь зъ нымъ.
Винъ такъ здавався и никчемный,
Та бувъ розумный, якъ письменный,
Слова такъ сыпавъ, якъ горохъ.
Уже въ чимъ, бачъ, пораховаты,
Що розказать, — йому вже дати;
Ни въ чимъ не бувъ страхополохъ.

Невтесомъ вси його дражнылы,
По нашому жъ то звавсь Охримъ;
Мини такъ людѣ говорылы —
Самомужъ не знакомый винъ.
Побачывъ, що Эней гнивывся,
До його заразы підмостывся,
За билу рученьку и взявъ
И вывившы Энея въ сины,
Самъ поклонывся, ажъ въ колѣны,
Таку Энею ричъ сказавъ:

«Чого ты сыльно зажурывся
«И такъ надувся, якъ индыкъ?
«Зо всимъ охлявъ и занудывся,
«Мовъ по болотови кулькь?
«Чимъ билшь журытыся—все гирише,
«Заплутаешся въ лиси билше,
«Покынь льшь горе и заплюй.
«Пиды, вкладься гарно спаты,
«А послѣ будешъ и гадаты,
«Спочынь, та вже тогди мыркуй.»

Послухавшы Эней Охрима,
Укрывшысь на полу лигъ спать;
Но лунавъ тилько все очыма,
Не мигъ ни крыхты задримать.
На вси боки перевертався,
До люльки разивъ тры прыймався;
Знемигсяжъ, мовъ и задримавъ:
Якъ ось Анхызъ йому прысньвся,
Изъ пекла батечко явився
И сынови таке сказавъ:

«Прокынься, мылее дитятко!

«Пробуркайся и проходишь.

«Се твій прыйшовъ до тебе батько,

«То не сполохайсь, не жахнись.

«Мене богы къ тоби посламы

«И такъ сказаты прыказалы,

«Щобъ ты ни трохи не журывсь,

«Пошлють тоби щастливу долю,

«Щобъ учынивъ ты божу волю

«И швидче въ Римъ переселивсь.

«Зберы вси човны, що остались

«И гарно заразъ ихъ оправъ,

«Прыдержъ своихъ, щобъ не выпивались

«И сю Сыщылію оставъ.

«Плывы и не журысь небоже!

«Уже тоби скризъ буде тоже.

«Та ще послухай щось скажу:

«Щобъ въ пекло ты зайшовъ до мене,

«Бо дило есть мни до тебе,

«Я все тоби тамъ покажу.

«И по Олимпьскому закону,
«Уже ты пекла не мынешь;
«Бо треба кланяться Плутону,
«А то и въ Рымъ не доплывешъ.
«Якусь тоби винъ казанъ скаже;
«Дорогу добру въ Рымъ покаже,
«Побачышъ якъ живу и я.
«А за дорогу не турбуйся,
«До пекла напросецъ примуйся
«Пишкомъ, — не треба и коня.

«Прощай же сызый голубочокъ!
«Бо вже стае на двори свить;
«Прощай дытя! — прощай сыночокъ!...»
И въ землю провалывся дидъ.
Эней съ проссоння якъ схопився,
Дрыжавъ одъ страху и трусився,
Холодный лывся зъ його нить;
И всихъ Троянцивъ посклыкавши,
И лагодытысь приказавши,
Щобъ завтра доплысты, якъ свить.

Къ Ацесту заразъ самъ махнувши,
За хлибъ подиковавъ, за снль;
И тамъ не довго щось побувши,
Вернувся до своихъ видтиль.
Ввесь день збиралысь, та вкладалысь,
И свита тилько що дождалысь,
То посідамы на човны.
Эней же йнхавъ щось не смілю,
Бо море дуже надойило,
Якъ чумакамъ дощъ въ осені.

Венера тилько що уздрила,
Що вже Троянцы на човнахъ,
Къ Нептуну на поклонъ побігла,
Щобъ не втопывъ ихъ у волнахъ.
Пойихала въ своимъ ридвани,
Мовъ Сотника якого пани,
Баскымы конямы, якъ звірь.
И съ киннымы проводныкамы
Съ трьома на заді козакамы,
А кони правывъ манталирь.

Була на йому била свята
Изъ шаповальского сукна,
Тясомкою кругомъ обшита,
Симъ кишъ стоялася вона,
Набакыръ шапочка стримила,
Далеко дуже червонила,
Въ рукахъ же довгый бувъ батигъ;
Имъ гримко ляскавъ винъ изъ лыха,
Скакалы кони безъ отдыха;
Ридванъ мовъ вихоръ въ поли бигъ.

Прийихала, загримотила,
Кобыляча мовъ голова;
Къ Нептуну въ хату и влетила
Такъ, якъ изъ вирію сова;
И не сказавшы ни пив-слова,
Нехай, каже, твоя здорова
Бува Нептуне, голова!
Якъ навиженна прыскакала,
Нептуна въ губы цилувала,
Говорячы таки слова:

«Колы Нептунъ минн ты дядько,
«А я племяннця тоби,
«Та тыжъ минн хрещеный батько,
«Спасы-би заробы соби.
«Моему поможи Энею,
«Щобъ винъ зъ ватагою своею
«Щастливо йиздывъ по води,
«Уже и такъ пополякалы,
«Насылу бабы одшенталы,
«Попався въ зубы бувъ биди.»

Нептунъ моргнувши засміявся;
Венеру систы попросывъ
И шисля неи облызався,
Сывухы чарочку наливъ;
И такъ би почаствовавши,
Чого просыла, обшцавши,
И заразъ зъ нею попрощавсь.
Повіявъ витръ зъ руки Энею,
Простывсь сердешненькій зъ землею,
Якъ стрілочка по морю мчавсь.

Пороміщыкъ ихъ що найглавнѣйшій,
Зъ Энеемъ йиздывъ всякій разъ,
Йому слуга бувъ найвирнѣйшій—
По нашому винъ звався Тарасъ.
Сей сяди на корми хытався,
По саме нилъзя нахмыстався
Горилочки, колы прощався.
Эней веливъ його прыняты,
Щобъ не пустывъ на дно нырять,
И въ лучшымъ мѣстѣ бы проспався.

Но видно що пану Тарасу
Напысано такъ на роду,
Щобъ тилько до сього винъ часу
Терпивъ на свитѣ симъ бѣду.
Бо розхытавшисьъ, брызнувъ въ воду,
Нырнувъ—и не спытавши броду,
Наввырынкы пишла душа.
Эней хотивъ, щобъ окошылась
Бѣда и билась не продолжылась,
Щобъ не пропалы вси съ коша.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.